

Семён Гурарий СТИХИ

Семён Гурарий
СТИХИ

Simon Gourari
GEDICHTE

Literareon

Семён Гурарий

СТИХИ

Simon Gourari

GEDICHTE

Literareon

„Dieses Softcover wurde
auf FSC-zertifiziertem
Papier gedruckt. FSC (Forest
Stewardship Council)
ist eine nichtstaatliche,
gemeinnützige
Organisation, die sich
für eine ökologische und
sozialverantwortliche
Nutzung der Wälder
unserer Erde einsetzt.“

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek:
Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation
in der Deutschen Nationalbibliografie.
Detaillierte bibliografische Daten sind im Internet
über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

© 2009 Simon Gourari

Gestaltung und Satz: Martin Heise
Umschlagabbildung: Anna Gourari

Printed in Germany
Literareon im Herbert Utz Verlag GmbH
Tel. 089 – 30 77 96 93 | www.literareon.de

ISBN 978-3-8316-1417-2

I

АПЕЛЬСИНЫ

Сумерки.

Голубая пустошь
терпеливо густеет,
темнеет.

Очертания предметов
непрочны и забывчивы
ведро, лавка, валенки ...

На столе
резко пламенеют
два апельсина.

Раскосый взгляд
оранжевых зрачков
долог и точен.

Старик искал их
целую неделю.
Ездил каждый день
в город туда-обратно.
Неделя была долгая
длиною в жизнь.
Он достал апельсины,
но слишком поздно.
Ему всё мерещится
слабый голос жены:
*«Вот бы попробовать разок
что это за фрукт такой ...»*

Тихая слеза
медленно стекает
по подробным морщинам.
Голубая пустошь
терпеливо густеет,
темнеет.

Сумерки.

1970 Казань

ВЕСНА

трамвайный вагон
был сер и привычен
ровные землистые
лица прятались
за поднятыми воротниками
пассажиры
занимались своими
обыкновенными ноябрьскими
делами
холодный иней
равнодушно цвёл
на оконных стёклах,
скрывая от людей
законы

никто и не заметил
когда вошла *она*
на какой-токой остановке
если трамвай мчался
не останавливаясь,
в какую-токую дверь
если никаких дверей
и в помине не было

странно
никто-ничего-никогда
странно

может
хотя бы вы
что-нибудь
видели
или слышали

она опалила

безразличное дыхание
и испарилась
оставив лёгкий свет
и кажется
песню

во всяком случае

нечто звучащее
и ещё что-то такое
сумасшедшее
ароматическое
пахнувшее
лесом

свет растекался

разно и выпукло
или

в краснозелёножёлтых глазах

рождалось удивление
или

было всё вновь

и вроде бы нездешнее
или

вдобавок ещё

этот дурманивший запах
или

таявший иней возвращал

окнам правдивость стекла
или

люди увидели *иное*

кто разумеется захотел
или

весна в ноябре

1970 Казань

II

Торжественная немота
рассвета и росы,
и свет рождался незаметно,
как дыханье.
В лесу дремотном
твои шаги были слышны,
и соловьиный монолог,
прозрачный и свободный,
кружил наш взгляд.
Пойдёшь за мною?
Ты пошла
и оказалась впереди.
Послушно сердце возносилось
за правотой твоей крылатой,
уже почти не бил в висок
сомненья душный ритм,
но ... золотистый луч
вспорол сеть паутины,
ожгли как молнии ладони,
и вспыхнул лес, поплыл,
и растворился ...

Июль 1980

Боровое Матюшино

Возможно ли?
Но чудо состоялось –
слова в стихотворение вросли,
как окна в дом,
и осветили профиль твой рассветный.
Всё хорошо,
не надо бы, казалось,
беспокойства,
чтоб оживлять твои черты,
но обморок разлуки
так неожиданен и странен,
что тщетно мысль опоры ищет
в зелёной магии листвы,
в слепом достоинстве работы,
в подробностях той тишины,
что ожиданию сестра,
и пульса пустоты боится,
в которой вновь слова, слова,
кружась и изнывая, словно птицы,
готовы вторить шагу твоему,
и из пронзающего мига
тебя создать, пропеть,
и умертвить,
чтоб ты жила ...

Август 1980

Боровое Матюшино

НОКТЮРН

бег иноходца нам приятен
туманным устремлением без смысла
бог истин лжив и необъятен
даты рождений бескорыстны
от неизбывной маеты прозрений
произрастанье дерева не слышно
и в высоту знобющих откровений
не верят суетности вспышки

*если бы глубоко за полночь
словом ночью
когда проявляя к нам щедрость
молчат уже эти
как их
которые уставшие
ах да
уста
и словно огрызаясь
всхрапывает мотором улица за окном
тогда вот самое время
пустить слезу жалости
к самому себе
и вспомнить
что в принципе никогда ничего и не было,
не было и не будет
вспомнить то
чего никогда не было
и тут же попытаться найти
в тесной от теней темноте
светящуюся точку
подмигивающий фитилёчек
просто крахмальную звёздочку
под названием*

*Любовь Люба или Любовь Тимофеевна
чтобы разом ей всё подарить
отдать ни за что ни про что
пожертвовать от всей души
жизнь
печали-распечали
всякие там скользкие высоты
и прочие ценности
обёрнутые в торжественную
словесную дребедень
типа*

но всё же мы звезду любви найдём
и в час ночной когда молчат уста
услышим удивимся и про себя споём
она лишь жизнь печаль и высота

*Июль 1980
Боровое Матюшино*

ты
 с темнотою
 не дружна
ночь
 призвук
 исчезают
когда сквозь
 жёлтые глаза
покой и ясность
 проступают
ты
 равновесие
 зари и утра
тебе
 подвластен
 чистый тон
ты
 примиряешь
 тени мудро
сомненья трав
 бурьяна стон
простое слово
 обновленье
тебе знакомо
 понаслышке
зато просторы
 удивленья
твои владения
 а выше ...
а выше
 звёзды
там
 истины законы
цветут и вянут
 с тихим звоном

Июль 1980
Боровое Матюшино

обманчивая
 власть тропы
торопит
 спорит
 предлагает
и объявляет
 страх пустым
забвением
 детства награждает
усильем
 неотягощённым
меняем
 доброту на скорость
и вот уже
 порабощённым
гноится взгляд
 жиреет корысть ...
о бездорожья
 широта и грязь
ты манишь
 свежестью и ветром
в твоих просторах
 обретаешь связь
луча
 мгновенья
 километра
и там
 в надежду не изверься
найдем впотьмах
 свою тропу
чтобы ликующая
 ересь
вновь родила бы
 в нас мольбу
 о бездорожье ...

*Август 1980
Боровое Матюшино*

Ещё ни строчки о любви,
а горло неприязнью сушит,
и запах трав исчез с земли,
и облако размолвки кружит.

С тоской, известной постоянству,
мы замуровываем в стены
цветов дыханье, смеха яства,
и удивленья дар бесценный.

И мёрзнув, слепнув, задыхаясь,
бредём из года в год во сне,
прихода бури опасаясь,
мы строим на песчаном дне.

И не случайно, не однажды
тех стен вражда коснётся,
и сердце не взлетит отважно
туда, где песнь поётся.

Август 1980
Боровое Матюшино

ЧУДО

Чадит часов чеканных череда,
Черёмухою чтят чахоточное чудо,
Черновика чернильная черта
Чудовищное чтиво чертит чуждо.

Ужель убежище убийством утверждает
Уверенность ущербного удела?

Декабрь добро дождливо догоняет,
Двуличное достоинство дозрело.

Очнись! Обманут! Очевидно!
Остывший образ? Он отцвёл.
Оттенок облика обидный –
Освободи! Осанна! Ореол!

Август 1980

Боровое Матюшино

III

То был не дождь!

В распахнутые окна
предчувствие слепяще ворвалось
и захлестнуло музыку.
Что звуки фортепиано –
всего лишь звуки.
Их нарочитое лукавство,
столкнувшись
с саднящим вероломством памяти,
на полуслове замерло.

То был не дождь?

Зелёное неистовство ветвей
раскачивало мир
и в нетерпении изнывало,
чтоб ты вошла
и примирила музыку с дождём.

То был не дождь ...

Июнь 1982

Казань

Сумерки,
таинственная вязь
парящего мгновения,
что слышит,
как стынет площадь,
уставая
копить подробности,
внезапно и шутя,
что вырастают из горбатых улиц,
пронзая взгляд
созвучием нестройным
далёких облаков,
осколков смеха,
всхлипов тормозов,
а также зелени,
что, плавясь и вздыхая,
туманный поворот в себе таит,
откуда,
наказанием грозя,
вот-вот автобус вынырнет
и увезёт тебя.

Июнь 1982
Казань

То ли закат, то ли рассвет,
и ливня звук оцепенелый
истаял только что.
От обморока оживает не спеша
рябины куст, продрогший и неловкий,
и, сосен влажности лишая,
сочится пожелтевшая хвоя.
Взгляд лес объемлет молчаливый,
всё глубже проникая в темноту,
где сосны невесомые стыдливо
кружат в испарине, скрывая наготу.
Звук одиноких капель звонок,
и, разрастаясь в тишине,
всё – лес, и всё – едино,
и путь к тебе недолог,
но более ты не нужна уж мне,
зато необходима ветру,
что, вдруг ворвавшись, возразил
обманчивому равновесию,
не весел, он опрокинул лес,
срывая шишки, как плоды,
и мягкий перестук их, –
слышишь, слышишь? –
сюжет разящий лепит о тебе,
о торжестве разлуки,
что кричит
о бесконечности и властности минуты,
что начало, вспыхнув,
обозначила причалом,
начало,
что летящим продолжением живёт ...

Июнь 1982

Боровое Матюшино

когда
весенней судорогой
сжало
атласный
снежный профиль января
меня зимы
озябнувшее жало
ехидным росчерком
снесло с календаря
лихая оторопь
простуженной дороги
исчезнувшие звуки возвращала
надежда ширилась
и лик твой строгий
опять горел апрелем
предвещая
искристое участие

Апрель 1983

Казань

молчащие нелепо две страницы –

*акации стеснительный упрёк
речистому свечению зарницы*

– и это Шуман музыкой нарёк? ...

Найти звучание, изверившись сначала,
твоим однажды образом безмолвие пленилось,
всего лишь ничего – музыка зазвучала ...
.....

фиалки нежной тонкий аромат
грохочущим прибором захлестнуло,
пространство правоты без пауз и фермат
частушку ядовитую вернуло.

*Май 1983
Казань*

Лазоревый твой лик – лучей восход,
Юноны клятву закрепив в рукопожатьи,
Дорогой дымною скользя об лёд,
Музыку будней ты раскрыла как объятье,
И звуки доброты, чей тон любви согласен,
Ликуя в высь летят, их свет далёк,
Его сияньем всё вокруг озарено.

14 июля 1983

Боровое Матюшино

IV

... плен

пустоты –

тяжёлый

плеск

минут,

отравленных

покоем,

... тлен

Август 1983

Боровое Матюшино

Тоскливой изморозью изнывают тени
алмазных лет, где молодости гений
любви талант дарил как откровенье
яблоневый цвет в музыке растворить
надеждой ослепительной прозренья:
единожды поверив, с верой жить ...
Рискнув поверить, торопя мгновенья,
украшив жертвами любви букварь,
благополучия мираж лишила ты спасенья,
свечением прогорклым освятив алтарь ...
Напрасно время торопилось
остыть и сердце остудить расчётом,
воочию гляжу – не изменила ты озёрной
свежести и доброте без счёта,
и это значит всё: единожды поверив ...

Март 1984
Москва

Сюжет июльского заката –
вечерний лес.

Привычно возвышаясь,
лес высотой жил.

Ропща, безумствуя,
молила высота
об избавлении от бородатых истин.

Гроза, богиня перемен,
где ты? ...

Июль 1984
Боровое Матюшино

Вот полночь, страхом налитая,
секунды убивает впопыхах.

Февраль за окнами летает и летает
на белых, снежных петухах.

Всё это было – ночь, часы, февраль,
полёт без цели, высота ...

И жизни мне ничуть не жаль,
но брезжит утра пустота ...

17 февраля 1985
Казань

МЕТАМОРФОЗЫ

Семену Перелю

Единожды в трёх лицах жид спешит,
и устремляется всё к новому обличью,
только бы не видеть, как в глазах горит
нетлеющий огонь антисемичий.

Как будто в лицах есть покой ...
метаморфозы имени, как блики.
Кто говорил тогда со мной
о лицах гладких и безликих? ...

Покой и воля, некому сказать –
убежища обличий развалились,
всё спуталось и сладко повторять:
мои и ваши лица воедино слились.

Воронежский изгой и узник Осип,
как жаль, что не было вас с нами,
когда писали мы не о любви в ту осень,
и распевался Бабелем цунами ...

Сквозняк, предательство, любовь и боль,
но только равнодушьем не неволь,
давно я часть тебя, и всё к тебе иду,
и плачу, и смеюсь – я у тебя в плену.

Тоскливый праздник холодеющих седин,
больное, снежное лицо,
судьба одна, и путь один –
российское рассветное крыльцо.

20 февраля 1985
Казань

Усталый сумрак интермеццо,
морозное безумие дразня,
в надежде безразличием согреться
загадками дышал вокруг тебя,
но вот берёзовую, северной тропею
достигла ты июньского каданса, чтобы он
зажёг чертополохом над тобою
знобящий сон, неверный сон
о невозможности любить иначе,
о торжестве неправоты,
что чинное благоразумье прячет
в крейсериановы мечты.

Июнь 1985

Казань

Дочери

Внимая звукам – это значит
отдышкой прозы обозначить
февральских жалоб маесту.

Внимая звукам – сладостную муку
в наследство от Бетховена принять
и раствориться в шумановских грёзах.

Внимая звукам – это не разъять
жизнь на годá, созвучия на звуки,
теперь – тогда – тогда – теперь ...

Внимая звукам ...

Март 1986
Куйбышев (Самара)

озноб черёмуховый, не спеша,
май покоряет белыми очами,

*черёд отшельников
в бормочущий бордель
завет заики привнести
и в прятки безымянно поиграть:
якобы явление язычников
настало*

и вновь июльская межа
грозится и мерещится ночами

*Май 1986
Москва*

V

ЛЕС

Нюансы зелени –
двуличный гул
затей игривых, проржавевших спален,
капкан сочувствия,
где в сотах горьких грусть грызя,
топорщатся глухие деревья.

Нюансы зелени –
затишье междометий,
среди среды средневековой
список спин,
ровесников моих-твоих,
готовых-не-готовых
совпасть с наивностью обложки
под названьем *лес*.

Нюансы зелени –
рукоплесканий рынок,
где ходкий хмель,
стыдясь и суровея,
остывшее безумное брожение бранит,
что тщетно двигалось,
казалось бы вперёд,
лгало себе,
себя и предавало,
и оглянуться не успело,
как зельем зелени
опутано, опьянено навек,
оставив в назиданье нам
безмолвье, неподвижность
и нюансы.

15 августа 1994
Bad Nauheim

Знакомый метод местности метровой –
мельком мелодию мелизмам обучить,
в шёлк шелухи одеть число без чина,
и уши шантажу шарманки подчинить.

Набросок подвига – лишь робкий повод
для повести о собственной стране-балете,
где жирный житель, шмель шипучий,
шитьём шиповника возвышен танцевать валетом.

Жевать туман, и не любить, не петь,
в обители обид, как в клетке обезьянней,
резерв резиновый отечества моего
свободой полн, и самоузнаванья.

Граница – шаг, один со всеми,
порог – не мёрзлый меридиан,
всё – честный заговор наивных заголовков,
и шествие теней любимых караван.

17 августа 1994
Bad Nauheim

СНИСХОЖДЕНИЕ

Мне снова снилось
 снисхождение –
закон иль власть,
 иль кто ещё главней,
яишницей-шпионкой
 скворчал, заискивал,
и обещал вдобавок
 гарнир гарантий.

Затем чрезмерная лесть лестницы:

*Проступки простыни? –
 простили, просто пустяки ...*

*Прошу наверх.
 Мы двигаемся вниз? –
 Самообман.*

*Линялой линии лишился лоб?
 Ах, это поправимо.*

*Теперь наверх, наверх
 спускайтесь!*

*Всё верно,
 вы в другой системе ощущений.
 Система, как система.*

*Нужно лишь поверить.
 Или привыкнуть.*

Насчёт чего, простите?

Ах, адресочков-адресов?

*В принципе, возможно,
всё возможно, было бы желанье.*

Ещё шажок,

ещё один,

*теперь босяцкий ваш язык
отдайте нам – вот хорошо,
уже полегче, правда?*

Занозы? Их сюда.

Туда больные вести.

Ещё наверх спуститесь – молодец!

Ну, подарите, наконец,

нам, жуткий этот сквознячок!

Спасибо, уф-ф ... совсем легко, не так ли?

Вниз – выше, выше!

Вот вы уже у цели ...

Конечно же, один,

при чём же здесь другие?

О прочности не беспокойтесь –

ни окон, ни дверей,

лишь камень снисхожденья.

Холодовато?

Будет холодней ...

16 августа 1994

Bad Nauheim

Манеры невесомости –
манёвры вальса мерных дятлов,
что бьются с траурною вестью вглубь вестибюля.

Манёвры вальса –
окрики окраин о тайном сговоре,
о лютости прилюдной, о разладе.

Окрики окраин –
пустыня пустяков.

Пустыня пустяков –
закопанная в дым окрестность.

Закопанная в дым окрестность –
круг кроткого единоголасного бессилия.

Круг кроткого единоголасного бессилия –
погоня поговорок в передовицах газет
за славными делами работников погромов.

Погоня поговорок –
брезгливое благотерпение телезрителей
к терпкому аромату арестов и убийств.

Брезгливое благотерпение –
пляшущие пляжи беженцев
в очередях за питьевой водой ...

20 августа 1994
Vad Naubeim

Седой зал-отчим, милости мизинец
не стану я как прежде у тебя просить,
чтоб публика в марионеточном казино
могла меня любить, а не казнить.

К чему мне нудный насморк наставлений,
история провалов и наград,
аплодисментов, иллюзорных самомнений,
и тёплой, липкой лирики парад.

Я помню бархатную бдительность барьеров,
бесшумного бесправья барабан,
науку бегства от беды – жизнь, не карьеру,
всё остальное снежный балаган:

когда бессонница, смущение запрятав,
ведёт бредовые расчёты натошак,
чтоб раз хоть проплясать по сцене фатом
и с сытым зрителем смеяться сообща;

когда бельмо библиотеки беллетристика
ликующим белком сверкает из приват-берлоги,
когда швею-фантазию распродают до листика,
и наглость нагишом гарцует на треноге ...

Эй ты, заложник залежей сомнений,
скажи себе: я человек лишь, а не бог,
и свой комочек имени оставь под собственную тенью,
и тенью с кем-нибудь начни желанный диалог.

22 августа 1994
Bad Nauheim

VI

КАЗАНЬ

Калитка, корневище, карамель,
Кириллицы кичливой кабала,
Картавых, косных клавиш канитель,
Казённая кремлёвская кайла ...

Афинские авансы, авгиевы альковы,
Зачатье западни, зарок Заречья,
Закатным золотом закованный,
Арканный адресочек алтынчечий ...

Невидимая невидаль, награда невпопад,
Нарядная нескладица, невежда,
Наркозное неведение, навет, набат,
Напевная, надменная надежда ...

15 июля 1995
München

BARCELONA

Свидетельства свирельные врасплох,
коленца колдовские света, свиток
гортанных площадей оглох
и разлился рассветный, медленный напиток.

Пунктиры пустоты, балконная творожная тесьма
стыдливых сарабандных посиделок,
сонм ящичков почтовых в ожидании письма,
немой Рамблы парад поделок.

Излётот пелены пейзаж-кривляка
закутал в теньевую трель утраты одиночества,
чтобы кадык обочин в пепельной атаке
озвучил медью каталонское отрочество.

Сентябрь 1995
Barcelona

ЕРУШАЛАИМ

*Семёну Дерману
Семёну Перелю*

Ерушалаим, белое видение,
вино твоё и краски ворожу,
и преданной сиделкой в песнопении
тебя ищу, теряю, нахожу ...

*в то время как мелодия
странным, обманным пассажем
вызмеивается в обратном направлении,
рассыпается дождевым песочком,
под которым три Семёна,
Сёмы-Сени-Самуила,
Шимона-Саймона-Шмули
блаженно актёрствуют,
с удовольствием месяц грязюку бездорожья,
летают в забвении над пересмешиницей Казанью
вдогонку за российскими музами,
за Верами, Надеждами, Людами-Любами,
которые, впрочем,
с не менее наивной доверчивостью
тоже мокнут и мокнут под дождём,
заклиная податливых Семёнов
магической девяткой,
чтобы они черёмухой чтили чахоточное чудо,
оживляли его, это чудо,
витиеватой смолой недомолвок,
и вот этот несносный очаг
вырастает как на дрожжах,
в пансион желанных всеми ошибок,
обладающих к тому же
угрожающим нравом нравиться,
и приводящих Булак,*

*самое красивое из высохших озёр в мире,
в неопишное волнение:
напружинившись в отчаянном порыве,
озеро затопляет город вишнёвым вихрем,
окончательно сводя с ума
чувствительных Семёнов,
уже не различающих
кто из них есть кто
на брыкающейся сцене –
одинокое трёхголовое чудище,
разбитое параличом недоверия,
принюхивается
в сладостной пустоши успеха
к морозящему плеску плешивой плесени,
ноготь угроз наркотически
рисует картину душевного кочевья,
и предлагает с усмешкой
заключить пари на возмездие
за щедрости дождя,
за влажность дороги к горе Олив,
откуда для Семёнов
открывается панорама вечного города,
сотканного из облавы облаков ...*

когда сплочённость сплетен удручает,
и оборотень-критик крест кряхтя поднял,
когда уж улица угарных лидеров качает,
и ненависти мутный шок толпу объял,
не примеряй, Ерушалаим, не по твоему плечу
витринного бесстрастия халат,
от одиночества ты обещал Семёнам – излечу,
и выдам сопричастия мандат ...

*Январь-сентябрь 1994
Jerusalem / München*

Сперва прелестницей-прелюдией прельщать
сюрпризы сквозняка стремглав судить,
крапивную крамолу-кралю повстречать,
сурдинно ахать, торопиться, торопить.

В остолбенелой бесконечности орбита
науку наугад наушничать дарит,
сутулится сюжет, мечта избита,
спектакль осиротелый судорожно горит.

А далее тоска, тошнота, тормоза,
сумбурная судьба оскоминой юлит,
суфлёр последний, одинокий егоза,
танцует, хороводит, хоронит.

17 февраля 1996
München

бессмыслица
какая благодать
остыть
отстать и заблудиться
в предместье предков
им под стать
кивку кикиморы не удивиться,
и ненароком
нелады все позабыть
а там
затишья затрапезного затылок
крахмальным крохобором
норовит занять
ленивые секунды
ускользающим обмылком не исчезают
кружатся
юлят
и вот уж тени
двигаются вспять
шепча
но повторять мне не велят
бессмыслица
какая благодать

*28 марта 1996
München*

MÜNCHEN

обвиняемый

судья

свидетель

солдат

убийца

музыкант

зло

равнодушие

добродетель

бездарность

дирижёр

талант ...

словоохотливо

молчит

несётся

топчется

на месте

торопится

не движется

летит

транжирит

собирает

вести ...

всегда

ещё

уже

почти

пока

иллюзии

туманы

завещанья

ничто
нигде
пустоты
облака
тщета разлуки
обещанья ...

18 февраля 1996
München

VII

DIE SPRACHE

Уставшая царапина-царевна,
усвоив правило не врать,
всё слушает и слушает, как древняя
ворочается и клоочет рать:
в туманном бархате неведенья,
слова, словечки, словеса,
подслеповатым хором ведьминым
наощупь примеряют голоса ...

В пути к балладам, сказкам-деревам,
к замшелой, зарифмованной реке,
непоправима, неправа, права,
иссохшая гортань в пустынном языке ...

Ещё в корнях и суффиксах плутая,
плебейская родня уже кичливо восстаёт,
что здесь темно, а там светает,
что Ариосто только Мандельштама признаёт ...

А далее законы, тупиковые проспекты,
источники, каналы, города,
разводы, браки, храмы, секты,
свои, свои, чужие – вот тогда
всё началось и продолжалось,
дыхание, тюрьма, полёт,
и звуки марша, презирая жалость,
царапают тысячелетиями лёд.

*31 мая 1996
Lido di Jesolo*

Стиль стаи –
косоглазое согласие
простуды,
суеверия,
азарта.
Вальс приговора,
липкий,
в одночасье
зацвёл кудрявым финишем,
без старта.

Под паутиной
виртуозного внушения
найдёныш-понедельник
без опекуна поёт,
горбатыми пробелами
забор лишения
на вдовах-запятых
печать жюри везёт.

А судьи ...
те, что были казнены,
без масок,
в изголовие абзаца
из ссылки вазелиновой
воскрешены,
и каждый с каждым
не желает знать.

1 июня 1996
Lido di Jesolo

Убогое *позавчера*, без позы, мимоходом
щеку для поцелуя не подставляет,
и бормотаньем несуразным, как громоотводом,
себя от праздного вторженья охраняет.

Случайное *сейчас* с задиристым величием
смакует аккордеона глиняные гимны,
и хмуρο игнорируя конфетные приличия,
на четвереньках автопортрет рисует винный.

Не покушаясь на *сейчас*, лежит *позавчера* в низине,
в лохмотьях предсказаний, ожиданий и любви,
скрывая под туманным капюшоном перекрёсток синий,
свободный от гниющей шелухи.

Растрёпанные времена без риска завербованы
брюзжать, смущать, но не пересекаться,
и бронзовые предки, в речи забинтованные,
капризно не желают больше приземляться.

Мышьяк под мышкою кормилицы сметливой –
неловкий довод насморчных жалоб,
наставший день подошвы рвёт блудливо,
и тени кораблей головокружительны без палуб.

Да, осень не сбылась, но ханжески банкет играет,
обрывок рукописи из кошелька торчит,
давным-давно ноябрьский ветер лица не ласкает,
червячий пудинг выжидающе молчит.

2 июня 1996
Lido di Jesolo

сплошь да рядом
 ладони Мадонны
узор усердия
 подмигивать устал
не нарушая
 общепринятого тона
хор святости
 петь гимны перестал
хребет
 всеобщей веры
 перебит
колёсами
 пятнистого развала
следами
 оправдания
 подшит
флаг блеклый
 муравьиного закала
неудовольствия
 кирпичный ноготь
из проволоки
 жилы завивает
фонарь облезлый
 собирает копоть
Мадонна
 кротко
 руки умывает

4 июня 1996
Lido di Jesolo

VENEZIA

... жилец бронхитного купе
калякает уныния диктант
и тост заученный вполголоса
во здравицу святой покорности
произнести не смеет

... знаток разбойничьих подолов
листаёт нетерпенья каталог
и лихо штопает пожары
на дряхлом глобусе

... ярмарки поющая гравюра,
глотаящая нечётные числа
и пену с очередей

... мания надзора теней
в прирученных переулках

... кружевная помеха
разуму

... знак тождества

... венец Венеры

... вены

... В

8 июня 1996
Venezia

Привычки философии –
вольготное безумие потёмок,
ползком ещё,
в утробе жребия,
на выучной похвале чередованью,
чутьём пожара предвещать
орудия святилища:
оковы,
трещины,
водоворот ...

21 августа 1996
München / Harlaching

ЗНАК ОДИССЕЯ

... припудренных основ
 словарь слоёный,
в крапивное турне
 взлетел по турникету славы,
чтобы в мешке ветров,
 Эолом напоённом,
увидеть, как цветёт
 оскал вражды тысячеглавой.

... под ливнем обаятельного
 брёда, баск, слов,
в учтивом обмороке
 вытянутой шеи,
пустынный остров
 одичалых снов
не доверяет
 откровеньям Одиссея.

... что Пенелопа для тебя, Улисс,
 что дом, что Телемах? –
один, последний раз
 согнуть свой лук дугой,
своим признать чужое,
 и без волнения, с размаху
стрелой вонзиться
 в воздух пустоты, в покой?

... в стране покоя – призраки,
 страничный шелест, алфавит,
безвкусные столбцы кавычек,
 запятых, а также знаки-имена,
что в судорожных домыслах –
 то ли убиты, то ли не убиты –

указывают путь туда,
где ежедневно дешевеет тишина.

14 октября 1996
München

VIII

СЕРЕДИНА

Среда, свояченица, середина:
в сезон оврагов, пены и прыжков,
брюнетную главу о переходах вброд,
самосожжениях, лохмотьях непогоды – годы
её никто не хочет ни во сне, ни даже в мыслях начинать ...

Среда, луг славы, середина:
под бронзовые вывихи контральто
слепой кордебалет сентябрьских пружин
танцует *alla breve* от четверга назад – ко вторнику ...

Среди плевков солдатских, и Маноновых вуалей,
на слух, слегка фальшивя, скорей левее, чем правее,
бродяга-бубен вторит второпях про вторник, не про среду ...

Среда без края, сплошная середина:
седой ломоть переполоха спит, контужены глаголы ...

Среда среды, срез середины:
слюнявая овца-пловчиха, птенец, переперчёная корона ...

14 декабря 1997
München

кого там дразнит до упада своими синяками синагога?
кому приказ под роздых отдан был
червонной мастью непорочной,
– как нарочно! –
пощёчиною шамкающей, срочно
мосты тупые разъединить, взорвать,
чтоб сошка дошлая могла насытиться мышиною потравую?

горлянящий гопак на горбылях
роль горизонта выполняет,
чтоб взор оглох,
но ... ох!
– не праздный вздох –
похлёбка, девица, страда
крамольный вздор баюкает смиренно.

взмах драмы? – возлюбить не завязь хлебную,
а храм взрослеющих тормашек,
чтобы изгой, врунишка, хам,
– бедлам! –
двоюродной досады хлам
потоком примиряющим вознёс
и обратил в шабаш чудачеств и танцующих бантов.

8 февраля 1998
München

BRONX

картавый пасынок, пастух, дикарь, утопленник,
в лихом припадке нелегального паштета
хрипел, не кланялся под козырёк,
роптал и подстрекал ни в чём
не сознаваться
сдуру ...
сглаз
ябеды наивной,
наизнанку, на ринге риска,
пейзажу профиль вывернул витринный –
но басни голос басовитый так некстати: грим,
голод, гололедица, калека, парнасный хор, парня ...

мундир объятий каялся публично
в грехах, морщинах, красоте,
нарядах, мускулах –
не впрок ...
незримо
картина караула
отозвалась и ... вмиг исчезла,
опрометью, смычком переполоха ...

вблизи – седой висок и патриаршие рубцы,
вдали – воронья сутолока,
клятвенный
обряд
краснеющей
мелодии-карги, в попытках
пополам с оркестром-карликом – звучать ...

дословно, наше зрение – жульё,
укравшее у паузы
мгновенье ...
мгновенью
посвятив, рисунок
мстительных подробностей и немоты ...

вчерне пещера –
мерцающая
мера,
мель
обыкновенной
мелочи кустарной ...

наперекор популярности
орнамент ничком,
вкус
колеса комедии,
конфетного графина юбка ...

парк отзвуков паркетных,
педадь, учитель,
паника,
певец ...

24. августа 1997
New York

LAGO DI GARDA

Туманный раструб цитрусовой казни,
степенный, снежный ропот гор,
душливых прилавков бритвенные лазни,
германской публики крикливый хор ...

Подслеповатое, глухое небо Гарда
в золе веков, в аккордах клятвенных свечей,
мурлыканьем шипящим леопарда
пришёптывают волны: ничей-ничья ... ничья-ничей ...

Парфюмному бессилию совсем не рада,
мальчишке-первенцу рыбацкому верна,
Lago di Garda – виноградная награда
в клешне дорог, потеха, белена ...

Дождливые подкараулив тени возражений,
российский бубенец бездельником ворчит,
белиберда матюшинских брожений-ворожений
«Как в царско время» то ласкает, то горчит ...

Апрель 1998
Limone

DACHAU

дитя идиллии –
кладбищенская пряжа,
прими подснежники на завтрак
по недосмотру декабря
и величальным стилем вайнахтским
воспой температуру милой суеты ...

дитя идиллии –
каштановый подросток,
прими в подарок изморози страх,
и про себя молитву говоря,
станцуй апрельскую туманную надежду
среди свистков, допросов, темноты ...

дитя идиллии –
шестиконечная звезда,
прими побои за избавленье
от чести тошнотворной, фимиам куря,
дыханием своим из газовых печей
рассвету придавать идиллии черты ...

*10 января 1999
München*

СМОГЛИ БЫ?

I

Эй, смогли бы вы жить
на планете, на которой
растут только одни цветы –
розовые розы,
деревья стоят
одинаковой высоты,
небо всегда
безоблачно,
погода неизменно
безветренна,
птицы ласково поют
с утра до вечера,
все желания
незамедлительно сбываются,
люди не делятся
на евреев и немцев,
своих и чужих,
на верных и неверных,
дети и старики
сыты,
женщины женственны,
мужчины мужественны,
и все поклоняются
единому Богу ...

II

Смогли б вы липы ликовать
в безветренном сократовском созвучье,
где философия иль филология взахлёб
шипящие согласные в гербарий собирает?

Смогли б вы либо развязать
петлю морщинистых тропинок невезучих,
чтоб заурядный, тощий, бледносерый лоб
успел понять: он жив пока ещё, не умирает ...

Смогли б вы либо тосковать
в калякающем хаосе затрат, чтоб день,
хиреющий лакей любви, долгов и обязательств
коричневым ответом сам себя страшил ...

Смогли б вы либо выпекать
из тормозов, затылков и надежд
пахучий, тёплый каравай, чтоб край курая
и соломенных дождей петь иудею разрешил ...

Смогли б вы либо призывать
стареющую кару заумные улики на свиданье
принести, чтобы перина самосуда обманулась
и приняла искус истомы за исход, или хотя бы за исток ...

Смогли б вы либо зазвучать
в завесах темноты вопросы и слова другие,
но вот умора, без суеты, без гвалта и укоров
в каморке памяти свербит: смогли бы ... не смогли ...

5 июля 1998
München

ПРОЩАНИЕ С ТЕАТРОМ

Ещё один побег?
Ещё один разлад? –
Под покровом покаянья сцена тихая не спит ...
От безумного отчаянья бука-поводырь вопит ...
Мелодия не в лад?
Прощание навек?

Каюк не театру, а траве:
сравнения актёрского скелет
не одолел больной ломака-день,
он переросток, недоросль, солдат,
- вперёд – назад! левой – правой! –
храня в морковный морг билет
и публики пропавшей тень,
спектакль зажал в немой шпагат ...

12 мая 1999
München

ОДА ТРАВЕ

цвет ветра трав
ветвь цвета вето
твердь трат
верь рав
цветы прекрасны
вроде бы
трава так безответно влюблена в цветы
прекрасны сны травы
в народе вроде бы заветы служат цветам травы
и травести цветут цвет тут
бы вроде в роде в оде
еб бд деб бы был бдел дебил
в роду уж был цветам и там служил
и с лужи жил ил лил
в цветочном точном очном роде вроде
цветы прекрасны
но не красны сны
трав не зелены
заветы рек пресны
не сны весны отравы
бравой оправы рвы
цветастый ор оравы
вы травы вытравы
вы цвет вы выцветы
вы правы травы вы
травы вы не цветы
травы цветы не вы
увы вы вечно зелены
и вечно неправы увы

*Август 1999
München*

ANTWERPEN

Лукавый ситец

пряничных, бисквитных улиц
простужено хрипит, сипит ...

след-перебежчик

скарлатинных коридоров
на шумных площадях конфузливо молчит ...

В узде пчелиного огледа

улов фламандского бильярда:
туманные трибуны, требуха, парча ...

в пастушечьем, неоновом корсете

улитка-молния, богиня утешения,
любовь Ван Дейка отвергает сгоряча ...

Рук половодье – рукопись

о жертвах, седине, скитаньях,
о патрулях, холстах, о тростнике ...

Антверпен – повод вопрошать,

не разрушать, но разрушаться
и прятаться в колючем тайнике ...

Мятежное, пузырчатое, людское тесто:

тот свой? не всё ль равно – тотчас чужой ...
в партере сумрачно, дождливо, сквозняки ...

неспешною рысцой по замкнутому кругу

блуждает призрак времени наперекор
часам, календарю, забвенью вопреки ...

4 июня 1999

Antwerpen

ПОДРАЖАНИЕ

Гамак славянский – вафельное слово
о воспоминаньях, славе, слабостях, слезах.
Слалом пословиц – формула портного
одышкой с прошлым расплатиться впопыхах:

*... пустое грязное куне, батон и чай,
в окне перронная толпа, жара и лес,
слободские девичьи взгляды невзначай –
провинциальный город Мелекес ...*

*поезд отправился в раскачку, не спеша,
и форменные пуговицы блестели в духоте,
отнюдь не юбками, не кринолинами шурша,
железнодорожники любились в темноте ...*

Галантна тень – сиропный лепет
лениво лаву пробует из спячки пробудить.
Из стужи в целовальный трепет
ханжа ханжу завлѣк, чтоб всё про всё забыть.

*18 ноября 1999
München*

ПОСЛАНИЕ

послания карнизы –
зевотный, сырный фронт покорности,
кнут борозды в руках княгини-однодневки ...

послания карнизы –
торговца благочестие, в сокровищах испуга
искать в склерозном вожделении забвенья впрок ...

послания карнизы –
срок зависти за воротом закона,
телега-тварь в хламье лягушечьих сирен ...

послания карнизы –
задушевности шкала, шкатулка душная
плечей попутчиков наших случайных ...

послания карнизы –
капризы гололедицы
под патриаршей ступнёй ...

послания карнизы –
хор белой пустоты,
дорога дорогá ...

24 декабря 1999
München

ЦИЦЕРОН

Бочарный свод
младенческих молитв,
святых предвестий
скудные остатки.

Страх Цицерона
в Форуме разлит
виной кокетливой.

Услужливы догадки:
единоборство проповедей –
труд непосильный
в жилище римских фресок
и мозаичных прогулок.

Фальшивит племса
хор любвеобильный
в невнятице простора –
Рим бел, удушлив, гулок.

В Гайете море же
с наивным придыханьем
не океану, детству подражает:
смешав под птичий клёкот
земной, привычной фуги чертежи,
забвеньем привораживает, льстит,
лукавит, недомысльем исцеляет ...

Тень палача?
Презренный горизонт молчит,
лишь кратко звякают ножи в тиши ...

Июнь 2000
Rom / Gajeta

храм
меди медовушного смятения
столярные каракули пословиц
каникул вялых мысли кандалы

храм
судорог гармоник во спасенье
вязанка пламянеющих пощёчин
сугробная медлительность смолы

храм
перегородок душных подозренья
пустыня суеты, поклоны пустоте
проклятия неверным ненависть хулы

храм
против храма – срам неведенья
божки в кровавом вареве кипят
и лепят хор из злобяной золы

храм
волчьих потрохов смиренья
бред караульных бормотаний
жертв жертвы и жрецы жрецы

жрецы жрецы жрецы жрецы
жрецы жрецы жрецы жрецы
жрецы жрецы жрецы жрецы ...

7 октября 2001
München

ИОСИФ

История игры исчезновенья
облака: осенняя обида
соблазнена спасительной сиреной
избавленья – испарина испуга
фальцетом форсмажорным фальшивеет.

Истоки искр и ... извиненья
одинокчества: ослепшее окно
суровым суеверным слогом
истово исправляет искривленья
фатаморганистых фаготовых фигур.

Иск истине и ... искаженье
облика: один он, он отец, он
сын, сыновний судорожный скепсис
изменчив – истец истратился, иссякла
формула ферзьфавнфакирфантом ...

1 сентября 2002
Rimini

неотвратимый праздник домоседства –
блуждать в закатной тесноте нюансов
и не попад с пульсирующей болью спорить ...

спалив поленья слабости в костре усердства,
в золе истлевших дней и самореверансов,
случайность замыслу пытается не вторить

и отыскать в квартирном варьете след детства,
прогнозы сладких птичьих консонансов
о невозможности весну с весной поссорить

24 апреля 2003

München

ЖИГА

едва лишь уловимое дыхание богини:

листва, сверкнувшая в вальсочке ...

ловушка тлевшей безголосой дали ...

едко пьянящий туман

никчемными мольбами опутывал

нагую ночь ... *нагуюночьнагуюночь*

ересь апреля:

лукавый воздух тёмных звуков

лишал и шорохи и тени

единства миража прозрачности

напрасны клятвы и ни к чему нюансы

наготы ... *нюансынаготынюансынаготы*

естественный разрыв аккорда:

лоск черноты – будь счастлив?

ледник кряхтит и в сумасшедшей фуге

египетский свой голос потерять готов чтоб

ненароком не утащить тебя

на дно ... *тебянаднотебянадно*

Август 2005

München

ОКТОBERFEST

лекарством лексики блудливой
отравлены льняные декольте
безликих женщин
льнущих в обморочных льготах
к бычьим хвостам пивных богов
упитанные Зевсы
ёкая под ёлкой фестивальной
похмельно ёжятся
и шаловливым шагом шулерским крадутся
топчатыся гавотом
в костре угарного житья-шмотья
(*тъя, жид я? или шииш ... мот я?*)
и хора рыже-блондинистых шатенов-трансвеститов
в напрасных поисках исчезнувшего дня
ах, только бы найти хотя бы
среди дыма копоти и грязи
Европу кроткую
увидеть разглядеть
признать единственной
похитить
и навсегда пропасть
в блаженном критском
лабиринте ...

*Октябрь 2007
München*

Содержание

I

Апельсины	6
Весна	8

II

<i>Торжественная немота ...</i>	12
<i>Возможно ли ...</i>	13
Ноктюрн	14
<i>Ты с темнотою не дружна ...</i>	16
<i>Обманчивая власть тропы ...</i>	17
<i>Ещё ни строчки о любви ...</i>	18
Чудо	19

III

<i>То был не дождь ...</i>	22
<i>Сумерки ...</i>	23
<i>То ли закат, то ли рассвет ...</i>	24
<i>Когда весенней судорогой сжало атласный ...</i>	25
<i>Молчащие нелепо две страницы ...</i>	26
<i>Лазоревый твой лик ...</i>	27

IV

<i>... Плен пустоты ...</i>	30
<i>Тоскливой изморозью изнывают тени ...</i>	31
<i>Сюжет июльского заката ...</i>	32
<i>Вот полночь, страхом налитая ...</i>	33
Метаморфозы	34
<i>Усталый сумрак интермеццо ...</i>	35
<i>Внимая звукам – это значит ...</i>	36
<i>Озноб черёмуховый, не спеша ...</i>	37

V

Лес	40
<i>Знакомый метод местности метровой ...</i>	41
Снисхождение	42
<i>Манеры невесомости ...</i>	44
<i>Седой зал-отчим, милости мизинец ...</i>	45

VI

Казань	48
Barcelona	49
Ерушалаим	50
<i>Сперва прелестницей ...</i>	52
<i>Бессмыслица какая благодать ...</i>	53
München	54

VII

Die Sprache	58
<i>Стиль стай – косоглазое согласие ...</i>	59
<i>Убогое позавчера ...</i>	60
<i>Сплошь да рядом ладони мадонны ...</i>	61

Venezia	62
<i>Привычки философии ...</i>	63
Знак одиссея	64

VIII

Середина	68
<i>Кого там дразнит до упада своими ...</i>	69
Bronx	70
Lago di garda	72
Dachau	73
Смогли бы?	74
Прощание с театром	76
Ода траве	77
Antwerpen	78
Подражание	79

IX

Послание	82
Цицерон	83
<i>Храм меди медовушного смятения ...</i>	84
Иосиф	85
<i>Неотвратимый праздник домоседства ...</i>	86
Жига	87
Oktoberfest	88

Семён Гурарий – музыкант, писатель, педагог. Высшее музыкальное и литературное образование в Казани и Москве. Концертная и педагогическая деятельность в России и за рубежом.

Автор многочисленных публикаций и театральных постановок в разных странах. Инициатор и художественный руководитель фестивалей искусств и музыкальных конкурсов. Редактор литературно-художественного альманаха «Доминанта». Живёт в Мюнхене.

Simon Gourari – Musiker, Schriftsteller, Pädagoge. Studierte Klavier und Literatur in Kazan und Moskau. Konzerte und pädagogische Tätigkeit in verschiedenen Ländern. Zahlreiche Veröffentlichungen in internationalen Anthologien und Zeitschriften; gespielte Theaterstücke. Gründer und künstlerischer Leiter von Kunstfestivals und Musikwettbewerben. Chefredakteur des Almanach für Literatur und Kunst «Dominante». Lebt in München.

*Манеры невесомости –
манёвры вальса мерных дятлов,
что бьются с траурною вестью вглубь вестибюля.*

Семен Гурарий – имя в современной литературе звонкое и известное тем, кто слышит музыку 21-го века в стихах и в прозе. Он алогичен ровно настолько, насколько алогична жизнь. Мне особенно близок его органичный трагизм и метафизическая глубина образов.

*Дитя идиллии – шестиконечная звезда,
прими побои за избавленье ...*

Так может сказать только настоящий и очень современный писатель.

Константин Кедров

*Die Manieren der Unwägbarkeit –
Die Manöver des Walzers der rhythmischen Spechte,
die mit trauriger Nachricht tief ins Vestibül hinein klopfen.*

Simon Gourari ist in der modernen Literatur ein klingender und bekannter Name für all diejenigen, die in Poesie und Prosa Musik des 21. Jahrhundert hören. Er ist gerade derart unlogisch, wie das Leben unlogisch ist. Besonders nah ist mir die organische Tragik und metaphysische Tiefe seiner Gestaltung.

*Idyllenkind – sechszackiger Stern,
nimm die Prügelei als Erlösung ...*

So etwas vermag nur ein wahrer und moderner Schriftsteller zu sagen.

Konstantin Kedrow